

Военно-Морского флота, День Воздушного флота СССР, День танкиста, День артиллерии, День строителя, годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, День Конституции СССР и дни праздников, годовщин, юбилеев частей (соединений).

За высокие показатели в культурно-шефской работе среди военнослужащих войск МВД в 1948 г. было учреждено переходящее Красное знамя МВД СССР для награждения лучшей профорганизации РАБИС (работников искусств) [Баранов 2007: 167].

Таким образом, организация и проведение мероприятий культурно-просветительской работы во внутренних войсках в послевоенный период вышли на качественно новый уровень. Значительное внимание этому направлению воспитательной работы уделялось со стороны руководства войск, творческих коллективов интеллигенции, что благотворно влияло на повышение культурного уровня военнослужащих. Именно от организации и проведения культурных мероприятий, организации досуга военнослужащих зависит формирование у них высоких морально-психологических и боевых качеств и, следовательно, выполнение поставленных служебно-боевых задач.

Список литературы

Баранов В.П. 2007. *Внутренние войска: исторический очерк*. М.: ГКВВ МВД России. 503 с.

Новожилов В.Ю. 2012. *Культурно-просветительская работа во внутренних войсках (1917–1991 гг.)*. М.: На боевом посту. 367 с.

Поздняков А.П. 1982. *Войска называются внутренними*. Краткий исторический очерк. М.: ДОСААФ. 485 с.

PROKHOROV Andrei Konstantinovich, Deputy Head of Department for the Work with the Personnel, General Headquarters of Internal Troops of the Ministry for the Internal Affairs of Russian Federation (Krasnokazarmennaja st., 9a, Moscow, Russia, 111250; akprochorov@mail.ru)

THE PROBLEMS OF CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK IN MVD (MGB) OF THE USSR IN 1946–1960s

Abstract. In the article the author demonstrates that in the postwar period the command of the troops of Interior Ministry (MGB) of the USSR focused on cultural and educational work. Along with the ideological and political education, measures on improvement of the overall and military culture of military personnel, development of amateur art, instilling love for literature were taken. As the author shows, these problems were solving through the material and technical equipment of the cultural institutions and mentoring work of creative teams.

Keywords: cultural and educational work, amateur art, cultural patronage

УДК: 93/94 «1920/1930»

НИКОЛАШИН Вадим Павлович — к.и.н., старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета (393760, Россия, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101; nikolashin.vadim@yandex.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОГПУ В ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.

Аннотация. Накопленный потенциал злобы и насилия в тамбовской деревне в течение первых лет советской власти находил свое отражение в реализации масштабных аграрных преобразований конца 1920-х

– начала 1930-х гг. Крестьянство, имея опыт работы в коммунах, артелях и совхозах, вспоминая о продразверстке, ответило на коллективизацию и хлебозаготовки волной протеста. В данных условиях важным инструментом осуществления государственной аграрной политики стало ОГПУ.

Ключевые слова: советская власть, село, социализация земли, большевики, крестьянство

Система политического контроля к концу 1920-х гг. находилась в состоянии реформирования. Механизм свертывания нэпа с поступательным упразднением экономических инструментов и укреплением административных рычагов управления требовал от ОГПУ разработки новых подходов и методов работы. В тамбовской деревне подобные шаги были наиболее актуальны ввиду сохранявшейся социальной напряженности, которая питалась крестьянским негативизмом по отношению к коммунам, артелям, совхозам и продовольственной политике, а также воспоминаниями о жестком подавлении антоновского восстания.

Слом новой экономической политики ознаменовался в 1928 г. переходом к принудительным хлебозаготовкам. Применение нажимных методов при заготовке зерна стало ярким проявлением нового аграрного курса, который в очередной раз вел к конфронтации города и деревни. Сложность политического момента заключалась, по мнению Андреа Грациози, в том, что «сельское общество, подвергнутое атаке 1928–1930 гг., все еще оставалось сильным» [Грациози 2001: 45]. В этих реалиях власть планировала решительными и быстрыми темпами усилить наступление на деревню, провести в жизнь свою аграрную альтернативу. Это диктовало необходимость формирования мощного репрессивного аппарата, способного взять под жесткий контроль деревню. Статья И.В. Сталина «Год великого перелома: к XII годовщине Октября», опубликованная в ноябре 1929 г. в газете «Правда», фактически ознаменовала переход к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Мобилизационный курс в экономике и концентрация ресурсов в руках государства приводила крестьянство к протестам.

В условиях растущего сопротивления крестьянства на ОГПУ были возложены задачи по усмирению деревни. Репрессивные механизмы в совокупности с кризисными явлениями в аграрном секторе страны к концу 1920-х гг. создавали массовые искривления в социальной, экономической механике, в производственных отношениях. Поэтому главное внимание органов госбезопасности в черноземной деревне было сосредоточено на делах, связанных с сопротивлением «классовых врагов» социалистическому правительству, с укреплением совхозно-колхозного строительства, на борьбе с «кулацким террором», на вопросах спекуляции и хлебозаготовках.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. целью оперативной работы тамбовских чекистов являлся активный поиск антисоветских сил. В их авангарде советская власть видела бывших участников антоновского восстания. В секретном сообщении окружного отдела ОГПУ в окрисполком от 17 июня 1929 г. отмечалось, что в поселке Куракино Верхне-Шибряевского сельского совета Уваровского района существует огнестойкое товарищество «Красный октябрь» № 16, которым руководит «бывш[ий] организатор антоновской банды эсер Котельников Фрол Павлович. Благодаря его «руководству» в данное время товарищество распадается. Из т-ва выделилось 12 человек бедняков и 5 середняков... в товариществе остались зажиточные и были связаны ранее с Котельниковым, по участию в банде... В данном товариществе группа кулаков и чуждых соввласти элементов всячески старается под свое влияние бедноту, угрожая иногда убийством»¹. «Антихозяйственная» деятельность Котельникова трактовалась сотрудниками ОГПУ как саботаж.

Разработка подпольных организаций, которые рассматривались как антисоветские силы, велась чекистами непрерывно. Тамбовский оперсектор ОГПУ 8 июня 1931 г. сообщил прокурору Тамбова, что «им ведутся дела ликвидированных контрреволюционных организаций, в состав которых входили кулаки, бывшие антоновцы, члены СТК, «бандитско-уголовный элемент» [Кротова 2007: 156]. Власть в

¹ ГАТО Ф. Р-2: Оп. 1. Д. 133. Л. 178

лице ОГПУ осознанно направляла вектор насилия против наиболее хозяйственных и политически грамотных крестьян. Зачастую к «кулацко-белогвардейско-бандитским элементам» относили искусственно сфабрикованные группы, которые высказывали негативное отношение к советской власти, ее экономической политике, хозяйственным мероприятиям.

Конфликт между советской властью и деревней, нараставший с конца 1929 по начало 1930 г., требовал от чекистов новых подходов к осуществлению оперативно-следственной и информационно-осведомительной работы. Изучение событий, происходивших в деревне в ходе коллективизации, приобретало важнейшее значение для руководства страны. В этот период информационные материалы, проходившие по линии ОГПУ, становятся малодоступными для представителей парт- и совработников. Гриф «секретно» на спецсводках и переписке обязывал чекистов четко соблюдать режим молчания в общении с «непосвященными». Ввиду этого в августе 1929 г. заместитель ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной области Гордон и начальник специального отдела при ПП ОГПУ Власов, обращаясь к руководителям областных, окружных, государственных, партийных, профессиональных учреждений и организаций, отмечали, что «имеются случаи, когда некоторые органы и учреждения рассекречивают переписку об организации секр.-моб. делопроизводстве и допускают разглашение порядка согласования с органами ОГПУ личного состава, допускаемого к секр.-моб. работе»¹. Руководители областного ОГПУ требовали ужесточения секретности делопроизводства.

Следственные действия сотрудников ОГПУ в отношении подозреваемых зачастую реализовывались с нарушением уголовно-процессуальных норм. Проблема распределения полномочий между исполнительной и судебной властями разрешалась чекистами в одностороннем порядке — ОГПУ фактически монополизировало данное право. В частности, помощник областного прокурора Анфимов, как отражено в протоколе совещания следственного отдела областной прокуратуры г. Тамбова от 22 января 1931 г., говорил, что «большинство контрреволюционных дел и о поджогах разрешаются в органах ОГПУ. Создается такая картина, что в органы ГПУ передаются дела с сомнительной установкой. Как общее правило, дела о контрреволюции должны вестись в следорганах и заслушиваться в судебном порядке»².

К 1929 г. в условиях масштабных аграрных трансформаций, проводимых правительством, информационные материалы и отчеты отделов ОГПУ наполняются сообщениями хозяйственного и экономического характера. Информационно-осведомительными источниками в хозяйственной сфере становились сведения, полученные от агентуры, внедренной в хозяйственные органы, результаты проверок и ревизий документации, обыски, выемки. Данные методы позволяли выявлять факты нарушения в экономической деятельности колхозов и совхозов. Так, временно исполняющий должность начальника Тамбовского окружного отдела ОГПУ Шапочкин и помощник уполномоченного ИНФО Галанцев 12 августа 1929 г. сообщали в докладе-отчете, что в Соседовском совхозе Соседовского района «живой инвентарь — лошади находятся в плохом виде: избитые, работают по 18 час. без отдыха, ввиду неправильного распределения сельхозработы. Мертвый инвентарь изломан, ремонт не производится, свекла засорена, работниц-женщин не хватает для обработки, каковые не идут в совхозы на работу в виду грубости заведующего. Косьба лугов проводилась слабо, главным образом косили живой силой (косцами), две косилки стоят изломанными и в производство не годятся»³. Борьба с хозяйственными преступлениями находилась под постоянным контролем ОГПУ.

Чекисты внимательно следили за антиколхозными и антисоветскими настроениями в деревне. Нараставшие антисоветские настроения в тамбовской деревне уже накануне «великого перелома» становились реальностью. Крестьянство, противопоставляя себя административно-командной системе, осознанно шло на

¹ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

³ ГАТО. Ф. Р-2.: Оп. 1. Д. 133. Л. 128.

массовое сопротивление хозяйственным мероприятиям власти. «Кулацкая активность» фактически являлась массовым крестьянским движением, где активную роль играли середняки и бедняки. Кроме того, важную роль в противостоянии с органами советской власти играли женщины. Так, врид начальника Тамбовского окротдела ОГПУ Шапочкин и заместитель начальника инфо Смирнов в письме с грифом «совершенно секретно» сообщали в окрисполком и окрпрокуратуру о событии, происшедшем 29 июня 1929 г. в с. Сядемка Земетчинского района. Здесь у сельсовета собрались до 400 женщин¹. Причиной «бабьего бунта» стало изъятие имущества у местного духовенства по указанию уполномоченного по хлебозаготовкам Земетчинского райисполкома Пушкарева. Он «взял за себя тулуп священника за 15 руб., цена которому рублей 70, кроме этого он взял себе гитару, скрипку, комод и ряд других вещей. Председатель сельсовета взял себе за бесценок священническую шубу»².

На просьбы членов сельсовета и милиции освободить помещение сельсовета, женщины ответили камнями, нанеся легкие ушибы представителям советской власти. По данным ОГПУ активными участниками нападения на сельсовет были середнячки, монашка и жена кулака. Факт злоупотребления должностным положением уполномоченного по хлебозаготовкам стал объектом расследования ОГПУ.

Массовые выступления крестьянства в тамбовской деревне также становились ответом на силовые акты власти. При этом сама динамика аграрного движения была выгодна руководству страны, т.к. позволяла легитимировать политику репрессий. «До осени 1929 г. непосредственное участие ОГПУ в операциях, связанных с хлебозаготовками, ограничивалось, главным образом, городскими “хлебниками” и другими частными торговцами. Карательные операции в деревне, особенно в отношении крестьянских хозяйств (применение 107-ой ст. УК, прежде всего) были сферой деятельности Наркомюста» [Советская деревня... 2000: 23]. Чекисты поступательно усиливали позиции на хлебном фронте. Изменение векторов развития в системе государственного контроля диктовалось стремлением повлиять на экономические отношения в условиях коллективизации и выводило органы госбезопасности на лидирующие позиции в общественно-политической жизни страны. Такой «перелом» совершается после принятия 3 октября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) директив ОГПУ и наркоматам юстиции всех союзных республик, которым предписывалось «принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие (!) контрреволюционные выступления», осуществляя эти меры, «когда требуется особая быстрота... через ГПУ», т.е. во внесудебном порядке [Советская деревня... 2000: 23].

Нажимные методы только подстегивали эволюцию враждебного отношения крестьянства к власти. После публикации 2 марта 1930 г. статьи Сталина «Головокружение от успехов» в деревне начали нарастать активные формы сопротивления, более открыто стали звучать антисоветские лозунги. Сталинское руководство было вынуждено ослабить «видимый» нажим на деревню. При этом ОГПУ не изменило насильственный вектор в своей работе, усмиряя деревню. В условиях массовых крестьянских протестов чекисты двигались в авангарде сталинской репрессивной машины.

В результате активизации работы чекистов в коллективизируемой деревне масштабы оперативной деятельности значительно расширились, переступив региональные границы. Так, в ноябре 1930 г. тамбовский горрайпрокурор Прошин сообщал сотрудникам ОГПУ в Ростов-на-Дону, что «по имеющимся сведениям у тов. Козлова, бывший торговец, собственник маслянично-яичного магазина Кувшинов выбыл в Ростов-на-Дону для работы в одном из аппаратов по заготовке яиц и якобы увез с собой золото, которое носит на поясе»³. Отметим, что и до «великого перелома» оперативная деятельность в части разработки антисоветских

¹ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 133. Л. 153

² ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 133. Л. 153.

³ ГАТО. Ф. Р-663 Оп. 18-с. Д. 10. Л. 40.

элементов велась эффективно. ОГПУ тщательно прорабатывало и систематически осведомляло местные органы власти о политических настроениях населения.

В работе чекистов превентивность выступала на передний край. Так, с грифом «совершенно секретно» в донесении тамбовского отдела ОГПУ окрисполкому от 10 сентября 1929 г. сообщалось, что в «с. Инжавино Инжавинского района, в Инжавинском коопхлебе... служит бывший становой пристав, фамилия которого не установлена, каковой до революции был в с. Уварове, критически относится ко всем мероприятиям соввласти. На перевыборном собрании пайщиков ПО он критиковал введение дифференцированного пая, говорил, что это надувательство»¹. Подобные оценки сотрудников ОГПУ позволяли отслеживать динамику общественных настроений крестьянства. При этом чекисты рисовали картину безапелляционной конфронтации двух лагерей: просоветского и «кулацкого», отражая в отчетах самые различные политические оттенки в деревенской борьбе.

В ходе коллективизации ОГПУ через агентурно-осведомительный аппарат стремились установить в деревне тотальный контроль. Как отмечает С.А. Есиков, «с 1930 г. секретные службы активизировали оперативную службу в сельской среде. Об этом свидетельствует значительное увеличение денежных средств, отпускаемых полпредству ОГПУ в ЦЧО для ведения агентурной работы, вследствие чего существенно расширилась информационная база чекистов... имел место рост численности состава ОГПУ» [Есиков 2010: 57]. В тамбовской деревне чекисты увеличили визуальную разведку, вербовали новых агентов, создавали фундамент для тотального контроля за крестьянством и совпартработниками.

Активная оперативно-розыскная деятельность ОГПУ подкреплялась штыками. В феврале 1930 г. начали формироваться специализированные вооруженные отряды, на местах стали организовываться военизированные группы.

В закрытом письме ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» от 2 апреля 1930 г. отмечалось, что местные органы власти при разрешении конфликтных ситуаций стремились не устранять собственные ошибки, а перекладывать их устранение на ОГПУ и милицию. Ввиду этого ЦК обязывало парторганизации «решительно прекратить практику подмены работы в массах вмешательством ГПУ и милиции. ЦК запрещает без санкции ОГПУ (центр) посылку частей ГПУ в районы так называемых “выступлений” в деревне» [Трагедия советской деревни... 2000: 370].

О том, как формировались отряды по охране арестованных крестьян, и атмосферу недоверия к ОГПУ со стороны рядовых граждан 12 марта 1930 г. описывал в своем дневнике учитель школы-девятилетки г. Обоьянь Курского округа ЦЧО Ф.Д. Покровский: «Позавчера меня вызывали в ГПУ.. Там дали в руки винтовку и послали в распоряжение коменданта. Оказалось, нужно принимать выселяемых кулаков и сопровождать их на станцию» [Документы свидетельствуют...1989: 312]. Силловые атрибуты власти становились неотъемлемой составляющей реалий коллективизации.

Использование властями военизированных формирований становилось стандартной практикой в подавлении массовых крестьянских акций протеста. Например, 4 марта 1930 г. бюро РК Козлово-Пригородного района совершенно секретно информировало бюро Козловского окружкома ВКП(б) о волнениях на территории Больше-Лавровского сельского совета и убийстве бедняка-активиста Антипова. Как только были получены сведения о волнениях, из Козлова «немедленно был послан отряд конного резерва милиции, а также и представители ГПУ»².

Так как население не знало о прибытии отряда, «операцию по изъятию имущества кулаков удалось провести без эксцессов и каких-либо столкновений с населением»³.

Волна деревенского насилия подстегивала чекистов к активной оперативной работе в деревне. Наблюдая за настроениями крестьянства, сотрудники ОГПУ стре-

¹ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 133. Л. 179.

² Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-835: Оп. 1. Д. 377. Л. 18(об)

³ Там же.

мились в первую очередь раскрывать хозяйственные преступления, выявляли анти-советски настроенных жителей деревни. Результатом работы чекистов на фронте коллективизации и хлебозаготовок становились завершённые дела. В обвинительном заключении уполномоченного ОГПУ Прибыткова по Жердевскому району от 22 сентября 1931 г. фигурировали два «ярких» антисоветчика — «кулак» и лишенец из раскулаченных Медведев Павел Федорович и Анисков Тимофей Андреевич из с. Преображенское. В вину им ставились следующие действия: Медведев Павел Федорович в первых числах октября говорил колхозникам, «что выполнить план хлебозаготовок колхоз не может, ибо ему власть дала нарочно такой план, чтобы оставить колхозников без хлеба». В первых числах октября на копке колхозной свеклы, где и работал Медведев, в беседе с колхозником Павловым о хлебозаготовках сказал: «Возите, возите хлеб, а сами останетесь голодными»¹. И колхозники, послушав Медведева, хотели бросить работу. Анисков в конце сентября 1931 г., собрав у себя на квартире группу единоличников, говорил о том, что «своевременно сдавать хлеб не нужно, так как сейчас хлеб дешев, а если немного повременить, то он будет гораздо дороже»². При предъявлении обвинения ни Медведев, ни Анисков «виновными себя не признавали, мотивируя, что они никакой агитации в части коллективизации и хлебозаготовок не вели»³.

Советская власть свою экономическую политику расширяла до вопросов общественно-политических, тогда как деревня опиралась на собственно понимание целесообразности и рациональности. Государство, оказавшись бессильным в решении аграрного вопроса экономическими инструментами, делало ставку на силу. И сотрудники ОГПУ, осуществляя политический заказ власти, используя нажимные методы, активно применяли в своей работе образ классового врага.

В начале 1930-х гг. всеохватывающая система политического контроля требовала от чекистов инициативы, ускорения динамики репрессий. Выявление, подавление, ликвидация «кулаков» и «антисоветских элементов» в деревне приобретали самые широкие масштабы. Жертвы раскулачивания в тамбовской деревне появились в начале 1930 г. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» на органы ОГПУ, как отмечено в прилагавшейся к нему специальной инструкции, возлагались задачи по оперативному обеспечению выселения бывших помещиков и кулаков в отдаленные районы страны, а также пресечению деятельности всех кулацких антисоветских организаций и созданию групп по борьбе с вооруженными кулацкими выступлениями и бандитизмом.

Параметры оперативного выселения «кулаков» и «антисоветских элементов» из деревни формировал аппарат службы госбезопасности. В Тамбовском округе только с 15 января по 24 апреля 1930 г. были раскулачены 7 471 крестьянских хозяйств [Кротова 2007: 86]. В этот период маятник насилия достигал максимальной точки размаха.

Весной 1930 г. дела о возвращении «кулаков» из мест выселения на родину принимают массовый характер. Это явление было ответом на государственную политику репрессий. Бегство ссыльных из спецпоселений стало одной из основных форм борьбы раскулаченных крестьян против произвола властей. ОГПУ в данных условиях прибегло к ужесточению нормативной базы. В частности, 10 июня 1930 г. был утвержден приказ ОГПУ № 223/106, где отмечалась необходимость усиления деятельности местных органов по выявлению, задержанию и репрессиям по отношению к «беглым кулакам». Отчасти данному явлению способствовал меморандум от 20 апреля 1930 г., который разрешал родственникам «кулаков» 2-й категории забирать детей из лагерей и спецпоселений.

Масштаб репрессий, развернутых в деревне в начале 1930-х гг., вел к ошибкам и «искривлениям» в работе ОГПУ. Иллюстрацией к данному тезису служит при-

¹ ГАТО. Ф. Р-663: Оп. 1. Д. 57. Л. 56

² Там же. Л. 57.

³ Там же.

мер повторной плановой операции чекистов по выселению весной 1931 г. за пределы Центрально-Черноземной области из Жердевского района семьи Поповых [Кротова 2007: 141].

Реализация политического заказа Сталина по ликвидации или нейтрализации «антисоветских» элементов в деревне осуществлялась на основании ст. 58, 61, 71 УК РСФСР. В целом уголовное право и уголовный процесс в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стал инструментом аграрной политики, при помощи которого шла социальная ломка деревни, ее раскулачивание и коллективизация. Незаменимым элементом административно-репрессивной советской машины было ОГПУ. Если на начальном этапе хлебозаготовительной кампании основные репрессивные функции выполняли местные власти, то в начале 1930-х гг. чекисты установили жесткий контроль как в политическом секторе страны, так и в хозяйственной сфере.

Аморальность и бесчеловечность принимаемых правительством решений в отношении крестьянства, массовые репрессии деформировали структуру социума, искривляли общественное сознание, расшатывая фундамент государственного здания. Органы ОГПУ сумели создать систему тотального политического контроля в деревне в условиях ломки вековых аграрных устоев. Впоследствии отработанная механика насилия была применена в качестве инструмента «большого террора» второй половины 1930-х гг.

Список литературы

Грациози А. 2001. *Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933*. М.: РОССПЭН. 96 с.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. (под ред. В.П. Данилова, Н.А. Иваницкого). 1989. М.: Политиздат. 526 с.

Есиков С.А. 2010. Крестьянское движение в Центральном Черноземье в период массовой коллективизации. – *Гуманитарные науки в Сибири*. № 2. С. 56–57.

Кротова Т.А. 2007. *Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х – начале 1930-х гг.* Тамбов: Юлис. 231 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. 1923–1929 (под ред. А. Береловича, В. Данилова). 2000. М.: РОССПЭН. 1168 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 2. *Ноябрь 1929–декабрь 1930*. 2000. М.: РОССПЭН. 928 с.

NIKOLASHIN Vadim Pavlovich, Cand.Sci.(Hist.), Senior Lecturer of the Chair of State and Municipal Government, Michurinsk State Agrarian University (Internacional'naja st., 101, Michurinsk, Tambov region, Russia, 393760; nikolashin.vadim@yandex.ru)

THE ACTIVITIES OF THE OGPU IN TAMBOV VILLAGES IN THE 1920s–1930s

Abstract. The accumulated potential of anger and violence in Tambov village during the first years of Soviet regime resulted in the implementation of large-scale agrarian reforms of the late 1920s – early 1930s. The peasantry, that had an experience of the communes, cooperatives and state farms and remembered the surplus-appropriation system, responded to the collectivization and grain procurements by the wave of protests. Under these conditions OGPU was the important tool for the implementation of the state agrarian policy.

Keywords: Soviet regime, village, socialization of land, Bolsheviks, peasantry